

URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0680-.htm> (accessed: 01.02.2019)

Mussolini 1938 – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. Il discorso del passo romano (1 febbraio 1938). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0721-01.htm> (accessed: 01.02.2019)

Mussolini 1939 – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. Alla Vecchia Guardia (26 marzo 1939). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0856-02.htm> (accessed: 01.02.2019)

УДК 94(470.54).06
DOI 10.26170/vvi19-01-10
Код ВАК 07.00.07

Ю.В. Зевако

РУССКО-ТАТАРСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ НА ЮГО-ЗАПАДЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: «ЗЕМЛЯ» КАК ПРОСТРАНСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье рассматриваются особенности русско-татарского пограничья на юго-западе Свердловской области через анализ особенностей поземельных отношений, сложившихся к концу XVIII в. и сохранившихся до эпохи коллективизации. Отношения вокруг земли как в непосредственном материальном смысле («межевать землю», «арендовать землю», «продавать землю»), так и в символическом смысле («наша земля», «чужая земля») стали одним из структурообразующих элементов выстраивания «граничных» отношений в данных районах.

Автор приходит к выводу, что прагматичные хозяйственно-деловые отношения, постепенно сложившиеся между русскими и татарами в указанной выше области, ставшие «внешней» границей взаимодействия, и непересекающаяся с ней «внутренняя» граница приватной сферы брачно-родственных уз внутри «своих» деревень образовали определённый буфер, смягчающий противоречия и конфликтные ситуации в зоне «пограничья» в рассматриваемый период.

Ключевые слова: русско-татарское пограничье, русские, татары, поземельные отношения, брачные отношения, родственные отношения, этносы.

Yulia V. Zevako

Зевако Юлия Валерьевна, кандидат политических наук, научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований Института истории и археологии УрО РАН; 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16.

Zevako V. Yulia, Ph.D. in political science, researcher of the Interdisciplinary Research Laboratories of the Institute of History and Archaeology of the Russian Academy of Science, Ekaterinburg, Russia.

Телефон/Phone: +7(961)770-92-67. E-mail: milirita@rambler.ru.

© Зевако Ю. В., 2019

RUSSIAN-TATAR BORDER IN THE SOUTH-WEST OF THE SVERDLOVSK REGION: “EARTH” AS A SPACE OF INTERACTION

This article discusses the features of the Russian-Tatar borderlands in the Southwest of Sverdlovsk region giving an analysis of the land relations characteristics that had been more or less established by the end of the XVIII century and preserved until the era of collectivization. Relationships around the earth, both in the immediate material sense (“land surveying”, “renting land”, “selling land”) and in a symbolic sense (“our land”, “alien land”) became one of the structure-forming elements of “boundary” relations in these areas.

The author comes to the conclusion that the pragmatic business relations that gradually formed between the Russians and Tatars in the above-mentioned area, which became the “outer” boundary of interaction, and the “inner” border of the private sphere of the marriage-related ties that did not intersect with it formed a certain buffer mitigating contradictions and conflict situations in the “borderland” zone in the period under review.

Keywords: Russian-Tatar borderlands, Russians, Tatars, land relations, marriage relations, kinship relations, ethnic groups.

Тема «пограничья» в современных социально-гуманитарных науках довольно популярна и рассматривается с разных методологических и дисциплинарных позиций: политологии («политической лимнологии») [Цветкова 2015 URL], экономики [Божко 2011: 47-50], философии, психологии и культурологии [Ерохина, Хрящева, Захарова 2017: 233-239], филологии и лингвистики [Большакова, Мотеюнайте 2014: 130-143]. Понятия «границы» и «пограничья» успешно осваиваются и антропологами, составляя суть целого исследовательского направления – «антропологии пограничья», по-своему пытающегося осмыслить те явления, которые рассматриваются вышеперечисленными научными дисциплинами [Беспмятных 2012: 36-43].

В антропологии под понятием «пограничье» понимается «место столкновения, взаимопроникновения, наложения различных народов либо этнических групп, их культур и языков» [Там же: 37]. Соответственно, как исследовательское понятие оно «ориентирует на изучение ареала, в котором существует множество различного рода социальных, языковых и иных дифференциаций, и такой ареал, как правило, носит локальный характер» [Там же: 38].

Н. Н. Беспмятных выделяет три типа исследовательских объектов «антропологии пограничья»:

1) объекты, непосредственно примыкающие к государственной границе (антропологи выясняют значение государственной границы для тех, кто проживает в её зоне);

2) локальные населённые пункты, как правило, сельские, в которых живут представители различных этносов, языковых групп, кон-

фессий и культурных традиций (антропологи фокусируют внимание на жизни локального сообщества, которое преодолевает границы связей, обусловленные разделением на замкнутые этнические группы, религиозные институты, а также на культурной дифференциации «свои»/«чужие»);

3) локальная «приграничность» и внутрилокальная культурная «разграниченность» [Там же: 38-40].

Таким образом, в отличие от других наук, антропология пытается исследовать «человеческое измерение» «границы» – то, как ощущаются и осмысливаются «снизу» естественно сформировавшиеся или заданные «сверху» политические, экономические, хозяйственно-административные, территориальные и пр. координаты, то, как о разного рода границах люди *говорят*.

В данной статье фокус исследования направлен на анализ «пограничья» русских и татар на юго-западе ныне существующей Свердловской области (Нижнесергинский и Красноуфимский районы) в конце XVIII – начале XX вв.

До начала русской колонизации Урала данные земли входили в обширные пространства башкирских кочевий. Только после успешных походов Ивана Грозного на Казань и Астрахань в 1550-е гг., когда влияние поволжских ханств среди башкир уменьшилось, а беззащитность башкирских земель перед сибирскими ханами и киргизскими ордами возросла, башкиры сами обратились к русскому правительству и добровольно приняли русское подданство [Витевский 1889: 127], оставаясь собственниками здешних земель.

В последующие два века происходило точечное заселение и административное схватывание этих пространств, а к XIX в. определилась и этнокультурная панорама уральского края: на больших просторах от Оренбурга до Вятки начали оседать и государственные крестьяне, добровольно переселяющиеся из малоземельных внутренних губерний, и некоторые помещики и заводчики, увлекавшие за собой своих крестьян, а также ссыльные, штрафованные, наказанные плетью преступники, беглые и старообрядцы после церковного раскола середины XVII в. Кроме русских из центральных губерний сюда стремились также инородцы губерний, расположенных по Волге и её притокам (татары, башкиры, марийцы) из губерний Вятской, Симбирской и Нижегородской (тептяри, чуваша, мордва и вотяки), и из Сибири (мещеряки) [Там же: 128-129].

В рассматриваемом районе к началу XIX в. сложился свой локальный вариант «пограничья»:

1. Поселенцы-татары в качестве «припущенников» (стали оседать по р. Уфе и её притокам ещё с допетровского времени, однако, особенно активно – после подавления Пугачёвского восстания; к этому времени относится основание таких деревень, как Шокуровка, Арслановка, Ара-

каева и др. (нынешний Нижнесергинский район) [Материалы для статистики 1893: 229]. Ввиду культурной, языковой и религиозной близости граница между представителями этих народов была довольно проницаемой (показателем чего является большое количество смешанных браков). Даже спустя два века локальные вариации татар артикулируются респондентами⁴⁴ исходя из языковых нюансов, как «ближе к башкирам», «ближе к казанским татарам», либо даже к «кунгурцам».

2. Поселенцы-марийцы в качестве «припущенников» (с XVII в. в результате миграций с р. Сылва Кунгурского района и территорий, прилегающих к Южному Уралу [Материалы для статистики 1893: 229], оседают, в основном, на юге нынешнего Красноуфимского района).

3. Поселенцы-русские (со второй трети XVIII в. начинается активное и целенаправленное освоение русскими здешних башкирских земель). К локальным вариациям русских в изучаемом районе относятся: заводчане-гамаюне, выходцы из Ромодановской вотчины А. Демидова (работники Нижнесергинского и Михайловского заводов) [Трубецкой 2004]; красноуфимские «гамаюне», привезённые сюда воеводой Пермской провинции А. Ф. Голубцовым в 1780 г. из своей подмосковной вотчины (жителей сёл Александровское, Подгорное, Шиловка, Ключики, Чувашково) [Змеева 2005]; «пиканники» – переселенцы из Пермского края; «кержаки»-староверы – работники Нижнеиргинского и Саранинского заводов, которые остальное сельское русское население пренебрежительно называли «крестьянѐ».

Каждая локальная группа, отличающаяся происхождением, говором, социальным статусом, конфессией, этнической принадлежностью, основной хозяйственной деятельностью и пр. – так или иначе отгораживала себя от других локальных групп, вольно или невольно выстраивая систему реальных, воображаемых и культурных границ.

Каким же образом происходило выстраивание и освоение «зоны пограничья»?

Анализ исторических источников и материалов интервью со старожилами Красноуфимского и Нижнесергинского районов позволили выделить в качестве одного из структурообразующих элементов выстраивания «граничных» отношений в данных районах землю – как в непосредственном материальном смысле («межевать землю», «арендовать землю», «продавать землю»), так и в символическом смысле («наша земля», «чужая земля»). Причиной тому стала дифференцированность собственности земли, усилившаяся после издания в 1736 г. Анной Иоанновной указа, согласно которому была разрешена покупка башкирских земель [Витевский 1889: 128-129].

⁴⁴ Согласно полевым материалам автора, собранным в экспедициях в 2008 и 2009 гг. в Красноуфимском и Нижнесергинском районах Свердловской области.

Рассмотрим подробнее формирование русско-татарского «пограничья» на юго-западе Свердловской области с точки зрения формирования поземельных отношений и отношений, вытраиваемых вокруг земли.

Так, в здешних местах была широко распространена традиция приобретения крестьянами башкирских земель *шарагатом*, т. е. угощением. И. И. Архангельский пишет об этом так: «В крестьянские отводы входит, и не мало, излишней земли против вычисленного надела, по соглашению с вотчинниками, под названием неудобь. Эта неудобь приобретается крестьянами шарагатом (угощением башкир) и небольшими деньгами, сравнительно с ценностью земли, ибо башкиры ещё мало дорожат своей землёй и притом у них много остаётся в обширных дачах свободных участков...» [Архангельский 1887: 15].

О том, что «средства к существованию шокуровцы (т. е. башкиры-вотчинники – Ю.З.) добывают главным образом продажей земли и сенокосных мест крестьянам» свидетельствует в сообщении «Деревня Шокурова и ея жители» учитель Шокуровской русско-башкирской школы г. Ахмандиаров [Там же: 127]. Е. С. Молоков уточняет: «При большом количестве земель башкиры живут исключительно на счёт арендной платы, получаемой за эти земли, а в этой плате главную роль играют не деньги, а „гостинцы“. Продавший землю получает за неё не столько деньгами, сколько хлебом, маслом и прочими жизненными припасами» [Там же: 123].

Традиция приобретения земель у башкир «шарагатом» сохранялась вплоть до 1930-х гг. – коллективизации и раскулачивания. Жители деревень Красноуфимского района ещё помнят эту практику (по собственным детским воспоминаниям или рассказам старших родственников), которая была распространена практически повсеместно. «Вот мой дедушка [из с. Савиново] рассказывал, что им башкиры сдавали в аренду землю, а осенью приезжали – их угощали... Угощали их шибко. Потому что они говорили (на диалекте своём), что вот «плохо угощай – другому отдавай землю», что вроде плохо угощаешь, так другому землю в аренду продадим... Вот так вот угощали, деньги платили» (дер. Крылова).

«Материалы для статистики...» показывают нам, что жители с. Савиново (выселившиеся в своё время из Больших Ключей и Сараны, осевшие на башкирских землях) не имели своего леса и постоянных покосов, поэтому им приходилось арендовать землю у башкир Сызгинского общества [Там же: 82]. Староверы из посёлка Сарана также охотно покупали или брали в аренду земли у сызгинских и озёркинских башкир. Кроме того, в «Материалах...» отмечается, что «некоторые из живущих около вотчинников русских крестьян занимаются скупкою дешёвого леса у башкир и сгонкою его по р. Уфе» [Там же: 84].

Не только сызгинские и озёркинские башкиры, но и более отдалённые от границы с Башкирией, находящиеся на границе с Пермским краем турышинские вотчинники занимались сдачей земли в аренду.

Старожилы-гамаюны из с. Ключики вспоминают: «Наши-то гамаюны очень дружно жили с Турышом. Там есть Русский Турыш, есть Татарский Турыш. А почему они с ними общались – потому что здесь земель мало было посевных, и они арендовали землю у Турыша-то, у татар, да и даже нанимали...».

Эти данные подтверждают и «Материалы для статистики...». В описании дер. Ключики упоминается, что земля крестьянам была выделена из «Голубцовской помещичьей дачи», тогда как «лесом как на дрова, так и на постройки пользуются из казённой дачи». То есть «лесу нет» и «особых покосов нет», что вынуждает здешних крестьян арендовать землю и покупать лес «у соседних татар» [Там же: 72].

У башкир Шокуровской волости (нынешний Нижнесергинский район) были дополнительные причины охотно сдавать земли в аренду, помимо собственной непригодности к сельскому хозяйству. В отличие от земель нынешнего Красноуфимского района, здешние почвы и погодные условия характеризовались следующим образом: «Летом бывает сильная жара. Грунт земли очень разнообразный, местами каменистый. В иных – глинистый и каменисто-песчаный. Вообще чернозёмных почти мало» [Материалы для статистики 1893: 126]. Вследствие этого население практически всех башкирских и татарских деревень занималось обеспечением Михайловского завода хлебом и лесом: главным источником заработков жителей деревень Акбаш, Урмикеево, Аракаево, Уфа-Шигири были заводские работы (летом – рубить дрова, зимой – их возить).

Постоянные контакты с русским населением сказались на общем уровне языковой культуры здешнего татарского и башкирского населения. Авторы заметок особо подчёркивали в отношении деревень Аракаево и Урмикеево, что «частые сношения с заводом не остаются без последствий. В народе заметно это по более правильному русскому выговору, ...что не наблюдается в соседних селениях» [Там же: 124]. Логично предположить, что на русском языке могли объясняться отдельные главы домохозяйств, занимающиеся непосредственной подвозкой дров к заводу.

Интересно отметить, что хозяйственно-деловое общение между представителями разных локальных культур не влияло на жёсткость границ «приватной сферы» – на предпочтительность брачно-родственных связей по «своим деревням», «своим землям». Между границами «публичной» и «приватной» сферы неизменно сохранялась значительная дистанция не только по линии «этничности», но и по линии культурно-бытового ядра. Так, например, среди локальных групп русских были свои предпочтения: «Молодые ключиковцы в основном в Подгорное общались. У них очень много родни. Замуж выходили...», «с Подгорным особенно дружили, потому что многие подгорновские нашими родственниками являются» (дер. Ключики); меньше браков

случалось в Чувашково, хотя местные жители вспоминали, что «бабушка моя оттуда, из Чувашково», либо знакомая «в Чувашкова замуж вышла»; другая женщина признавалась, что «сама выходила замуж в Чувашково» (дер. Ключики). Староверы «женились-роднились» главным образом со своими – «только иргинские на иргинских или саранинских, кержаки на кержачках» (с. Нижнеиргинское). Деревни, образовавшиеся на месте бывших казацких застав в начале XIX в. и прилегающие к ним тоже следовали этому принципу, «роднились» между собой: «[невест] из Криулино привозили, из Колмаково привозили, из Приданниковой, из Калиновки – из округи» (дер. Крылово). Такая же ситуация складывалась и с татарскими деревнями.

Таким образом, анализ исторических источников и свидетельств местных старожилов позволяет сделать следующий вывод: на юго-западе Свердловской области русско-татарское пограничье характеризовалось наличием двух принципиально важных и долгое время не пересекающихся «границ», которые условно можно обозначить как границу «публичной» сферы (внешнюю границу), связанную с налаживанием взаимовыгодных хозяйственно-деловых поземельных отношений, и границу «приватной» сферы (внутреннюю границу), которая огораживала от чужих влияний «свои земли», свои деревни крепкими брачно-родственными узами. Благодаря тому, что «внутренние» и «внешние» границы русско-татарских отношений не совпадали, это создавало определённый буфер, смягчающий противоречия и конфликтные ситуации в зоне «пограничья» в рассматриваемый период.

Список источников и литературы

- Архангельский 1887** – Архангельский И. И. Этнографические очерки горнозаводского населения Урала. Пермь, 1887.
- Беспамятных 2012** – Антропология пограничья: концептуализация исследовательского направления // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў. 2012. № 2 (18). С. 36-43.
- Божко 2011** – Божко Л. Л. Концептуальные подходы к понятию «граница» в контексте институциональной парадигмы // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2011. № 1. С. 47-50.
- Большакова, Мотеюнайте 2014** – Большакова Н. В., Мотеюнайте И. В. Культурный ландшафт пограничья: прошлое, настоящее, будущее (международная научная конференция, Псков, 5–7 декабря 2013 г.) // Псковский регионологический журнал. 2014. № 17. С. 130-143.

- Витевский 1889** – Витевский В. Н. Неплюев И.И. и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758. Казань: Типо-литография В.М. Ключникова, 1889.
- Ерохина, Хрящева, Захарова 2017** – Ерохина Т. И., Хрящева И. А., Захарова М. И. Модус пограничности в современном гуманитарном знании // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 3. С. 233-239.
- Змеева 2005** – Змеева Л. И. Край родной. Екатеринбург: Полиграфист, 2005.
- Материалы для статистики 1893** – Материалы для статистики Красноуфимского уезда Пермской губернии. Вып. III. Таблицы. Изд. Красноуфимского земства. Казань, 1893.
- Полевые материалы автора 2008, 2009** – Полевые материалы автора, собранные в экспедициях в 2008 и 2009 гг. в Красноуфимском и Нижнесергинском районах Свердловской области.
- Трубецкой 2004** – Трубецкой В. Гамаюны на Урале: [жители Нижнесерг. р-на] // Уральский следопыт. 2004. № 4. С. 5-9.
- Цветкова 2015** – Цветкова О. В. Политическая лимология: концепт границы // Регионология Regionology. 2015. № 3. URL: <http://regionsar.ru/ru/node/1397>.

References

- Arkhangel'skiy 1887** – Arkhangel'skiy I. I. Etnograficheskie ocherki gornozavodskogo naseleniya Urala. Perm', 1887.
- Bespamyatnykh 2012** – Antropologiya pogranich'ya: kontseptualizatsiya issledovatel'skogo napravleniya // Vesnik Belaruskaga dzyarzhajna-ga universiteta kul'tury i mastatstvaŭ. 2012. № 2 (18). S. 36-43.
- Bozhko 2011** – Bozhko L. L. Kontseptual'nye podkhody k ponyatiyu «granitsa» v kontekste institutsional'noy paradigmy // Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki. 2011. № 1. S. 47-50.
- Bol'shakova, Moteyunayte 2014** – Bol'shakova N. V., Moteyunayte I. V. Kul'turnyy landshaft pogranich'ya: proshloe, nastoyashchee, budushchee (mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, Pskov, 5–7 dekabrya 2013 g.) // Pskovskiy regionologicheskij zhurnal. 2014. № 17. S. 130-143.
- Vitevskiy 1889** – Vitevskiy V. N. Neplyuev I.I. i Orenburgskiy kray v prezhnem ego sostave do 1758. Kazan': Tipo-litografiya V.M. Klyuchnikova, 1889.
- Erokhina, Khryashcheva, Zakharova 2017** – Erokhina T. I., Khryashcheva I. A., Zakharova M. I. Modus pogranichnosti v sovremennom

гуманитарном знании // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 3. С. 233-239.

- Zmeeva 2005** – Zmeeva L. I. Kray rodnoy. Ekaterinburg: Poligrafist, 2005.
- Materialy dlya statistiki 1893** – Materialy dlya statistiki Krasnoufimskogo uезда Permskoy gubernii. Vyp. III. Tablitsy. Izd. Krasnoufimskogo zemstva. Kazan', 1893.
- Polevye materialy avtora 2008, 2009** – Polevye materialy avtora, sobranye v ekspeditsiyakh v 2008 i 2009 gg. v Krasnoufimskom i Nizhneserginskom rayonakh Sverdlovskoy oblasti.
- Trubetskoy 2004** – Trubetskoy V. Gamayuny na Urale: [zhiteli Nizhneserg. r-na] // Ural'skiy sledopyt. 2004. № 4. S. 5-9.
- Tsvetkova 2015** – Tsvetkova O. V. Politicheskaya limologiya: kontsept granitsy // Regionologiya Regionology. 2015. № 3. URL: <http://regionsar.ru/ru/node/1397>.

УДК 811. 111'42

DOI 10.26170/vvi19-01-11

Код ВАК 07.00.07; 07.00.03

*Д.Н. Караваева **

**«ПРОВИНЦИЯ» VERSUS «МЕТРОПОЛИЯ»,
ИЛИ К ВОПРОСУ О ПРОТИВОСТОЯНИИ «СЕВЕРА» И «ЮГА»
В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ АНГЛИИ
В ВЕЛИКОБРИТАНИИ**

Статья посвящена исследованию дискурса идентичности жителей Северной Англии (североанглийскости – *Northernness*), и отвечает на вопрос, где проходят географические и культурные границы региона, как исторически воспринимался регион англичанами и каковы сегодня его идентичности. Работа основана на множестве источников историографического, медийного, музейного характера, а также авторских полевых материалах 2010-2018 гг.

Ключевые слова: Северная Англия, Великобритания, региональная идентичность, национальная идентичность, дискурс идентичности, политический дискурс, провинции, метрополии, постиндустриализм.

Караваева Дина Николаевна, старший научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований Института истории и археологии Уральского Отделения РАН; 620142, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Dina N. Karavaeva, senior researcher in Ethnohistory department, Institute of History and Archaeology (Ural Branch of the Russian Academy of Science), Ekaterinburg, Russia.

Телефон/Phone: +7 9120306922. E-mail: dina.karavaeva@bk.ru. Сайт/web: www.dinakaravaeva.wordpress.com

© Караваева Д. Н., 2019